HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	«Великодушие» в историческом повествовании Н.М. Карамзина
Author(s)	Накадзава, Ацуо
Citation	Acta Slavica Iaponica, 34, 1-15
Issue Date	2014
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/56935
Type	departmental bulletin paper
File Information	ASI34_001.pdf

Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers : HUSCAP

Acta Slavica Iaponica, Tomus 34, pp. 1–15

Articles

«Великодушие» в историческом повествовании Н.М. Карамзина

Накадзава Ацуо

Постановка задачи

В трудах Н.М. Карамзина о русской истории, написанных со времени получения им титула «историограф» (1803 г.) и вплоть до его смерти в 1826 г., нередко встречается своеобразное, странное употребление слова *великодушие* и производных от него (*великодушный*, *великодушно*). Приведем некоторые примеры из «Истории государства Российского» (*далее*—«История»).

В т. 4, гл. 1 описывается трагическая судьба русских людей, которые гибли на поле битвы с монголо-татарскими завоевателями в первой половине XIII в.: «...никто не думал молить лютого Батыя о пощаде и милосердии; *великодушная* (курсив мой.—*А.Н.*) смерть казалась и воинам и гражданам необходимостию, предписанною для них отечеством и Верою».[1] Словосочетание *великодушная смерть* необычно и малопонятно. Чтобы приблизиться к его пониманию, необходимо вспомнить, к примеру, такие широко принятые эпитеты смерти, как «верная», «благостная», «почетная», «славная», «героическая».

В последнем томе «Истории» (т. 12, гл. 1) мы читаем рассказ о страшных беспорядках в Москве сразу после отречения Василия Шуйского от царского трона: «Войско и самое Государство как бы исчезли для Москвы, преданной с ее святынею и славою в добычу неистовому бунту. Но в сей ужасной крайности еще блеснул луч *великодушия*: *оно* спасло Царя и Царство, хотя на время!».[2] Из этих строк понятно, что речь идет о некоем важном нравственном качестве, которое могло спасти страну.

В этот период Карамзин занимался не только своей главной работой—«Историей», он также написал историческую повесть «Марфа-Посадница» (1803 г.), ряд статей о русской истории, опубликованных в журнале «Вестник Европы», и публицистическую записку «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1810–1811 гг.). В этих произведениях тоже встречается своеобразное использование

1 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Книга первая, тома I, II, III, IV. СПб., 1998. С. 523 (далее—ИГР-1).

2 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Книга третья, тома IX, X, XI, XII. СПб., 1998. С. 618 (далее—ИГР-3).

слова *великодушие*. Так, например, в статье «О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича», опубликованной в журнале «Вестник Европы» в 1803 г., есть замечание о царском достоинстве: «Кто родился управлять народом, тот предупреждает опасность мудростию или отражает ее *великодушием*, или гибнет, держа твердой рукой жезл правления...».[3] Привычное значение этого слова—«благородство», «доброта»—не позволяет постичь мысль историка. Но в дальнейшем мы попытаемся определить его смысл в этом фрагменте.

Частое употребление (в «Истории» слово *великодушие* и производные от него встречаются 318 раз) и своеобразное использование этого слова позволяют нам предположить, что оно играет особенную, важную роль в характеристике и оценке исторических событий и людей. Как известно, «История» имеет сложный характер в жанровом отношении: это не только исторический труд, в котором использованы обширные исторические источники, но и литературное произведение крупного писателя начала XIX в., а также политико-философская работа, в которой можно найти много аллюзий с современной политической жизнью России.[4] Если учитывать такую особенность «Истории», то при анализе текстов исторических сочинений Карамзина полезно применить филологический подход. В данной статье, исследуя употребление слова *великодушие* в исторических трудах Карамзина и в первую очередь в «Истории», мы попытаемся истолковать его своеобразное осмысление в связи с историческими концепциями и особенностями художественных приемов историка.

Значение слова *великодушие в* словарях русского языка

Прежде чем приступить к анализу использования слова *великодушие* Карамзиным, следует рассмотреть его толкование в словарях русского языка. Обычно оно означает положительное нравственное качество человека, проявленное по отношению к другим людям. Но в словарях современного русского языка его значение не всегда совпадает. В недавно изданном «Большом Академическом словаре русского языка» указан первичный смысл слова: «благородство, щедрость души». При характеристике человека оно трактуется как «обладающий высокими душевными качествами; доброжелательный, душевно щедрый». Прилагательное *великодушный* определяется как «обладающий высокими душевными качествами; доброжелательный, душевно щедрый». Затем следует его устаревшее значение: «жертвующий своими личными интересами ради

3 *Карамзин Н.М.* О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича // *Карамзин Н.М.* О древней и новой России: избранная проза и публицистика. М., 2002. С. 275.

4 См.: *Лотман Ю.М.* Колумб русской истории // *Лотман Ю.М.* Карамзин. СПб., 1997. С. 565–567.

других; самоотверженный».[5] Словарь Д.Н. Ушакова дает несколько иное толкование: «свойство характера, выражающееся в бескорыстной уступчивости, снисходительности, отсутствии злопамятства, в способности жертвовать своими интересами».[6] В «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля *великодушие* трактуется как «свойство переносить кротко все превратности жизни, прощать все обиды, всегда доброжелательствовать и творить добро».[7] В Академическом словаре устаревшее значение выступает на первый план, и слово характеризуется с помощью таких христианских добродетелей, как «кротость», «смирение», «терпимость».

В «Словаре русского языка XVIII века» даются следующие значения слова в эпоху Карамзина: первое—«твердость, стойкость духа; мужество», второе—«величие души; возвышенность, благородство чувств, мыслей, поступков» и как производное от второго—«доброта, милосердие; широта души, щедрость».[8] Интересно, что в словарной статье под первым значением, которого нет в указанных выше словарях современного русского языка, приведена цитата из философского сочинения украинского писателя Якова Козельского: «качество, чтобы умерять боязнь и печаль во время опасности и неблагополучия, называется великодушие или крепость духа, а в военных делах смелость, храбрость (fortitude), а противное сему качество называется малодушие». Подобный же смысл мы можем найти в западнорусских лексиконах первой половины XVII в. В «Лексиконе словенороськом» Памвы Беренды (1627 г.) слово *великодушный* трактуется как «великоразумный, сталый душею и розумомъ».[9] В лексиконе «Синонима славенороссkая» оно находится в ряду таких слов, как «смелый, дерзок, дерзкый, дерзый, дерзостен, продерзатель, *великодушный*, напраснив», а также «сталый на всякие беды, *великодушен*, храбрый».[10] Если учесть, что в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» все цитаты под статьями *великодушие* и *великодушный* взяты из переводных памятников[11] и слово *великодушие*, образованное по принципу кальки от греческого слова megalo-psychia,[12] в древнерусских оригинальных памятниках встречается редко, то можно предположить, что смысл *великодушия* как мужества, смелости возник

5 Большой академический словарь русского языка. М.; СПб., 2004. Т. 2. С. 392.

6 Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М., 1995 (репринтное издание). С. 97.

7 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1: А-З. СПб.; М., 1904. С. 431.

8 Словарь русского языка XVIII века. Л., 1987. Вып. 3. С. 17–18.

9 Лексікон словєнороський Памва Беринди / Підгот. тексту до вид. і вступ. стат. В.В. Німчук. К., 1961 [http://litopys.org.ua/berlex/be16.htm].

10 Лексис Лаврентия Зизания: Синонима славенороссkая / Підгот. текстів В.В. Німчука. Київ, 1964 [http://litopys.org.ua/zyzlex/zyz70.htm].

11 Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 65.

12 *Крылов Г.А.* Этимологический словарь русского языка. СПб., 2005. С. 60.

в западнорусском разговорном языке, а в XVIII в. вошел в общерусскую письменность.

В заключение обзора значений этого слова, представленных в словарях русского языка, можно также сделать предположение, что карамзинское *великодушие* не столько основано на русской лексикографической традиции, сколько восходит к французскому эквиваленту *magnanimité*, *magnanime* и образовано путем простого калькирования (*magna*—великий, *anima*—душа). Во французском языке прилагательное *magnanime* иногда служит прозвищем европейских монархов: Ladislas le Magnanime, roi de Naples (Владислав Великодушный, король Неаполя, XIV в.), Alphonse le Magnanime, roi d'Aragon (Альфонсо Великодушный, король Арагона, XV в.), Jean-Frédéric le Magnanime de Saxe (Иоганн-Фридрих Великодушный, курфюрст Саксонии, XVI в.) и т.д. Имеются также сведения, принадлежащие историку-современнику, что во Франции русского государя называли *Le Magnanime*. В 1814 г. в Париже поэт Константин Батюшков был свидетелем того, как люди кричали на улицах: «Montrez nous le beau, le magnanime Alexandre!» (Покажите нам прекрасного, великодушного *(императора)* Александра!).[13]

По-видимому, Н.М. Карамзин, который живо интересовался современной политической жизнью Европы и глубоко знал европейскую историю, что видно из его «Писем русского путешественника», воспринимал слово *великодушие* как исторический термин и следовал французскому словоупотреблению.

Народное *великодушие*

Обратимся теперь к примерам из трудов Карамзина. Для удобства анализа их целесообразно разбить на две группы в зависимости от того, к кому относится слово *великодушие*: к народу или к правителям. Эти объекты противоположны: один—массовый, а другой—личностный, и, как мы увидим ниже, значения этого слова существенно различаются. У Карамзина также встречается использование слова *великодушие* в отношении бояр, воевод, духовных и военных лиц. В этих случаях мы будем рассматривать его как разновидность *великодушия*, отнесенного к правителям, поскольку это качество здесь принадлежит отдельной личности.

Народное *великодушие* в исторической повести «Марфа-Посадница»

Рассмотрим прежде всего, как Карамзин использует слово *великодушие* в исторической повести «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода»,

13 *Батюшков К.Н.* Письмо Гнедичу Н.И., 27 марта 1814 г. Suissi-sur-Seine в окрестностях Парижа // *Батюшков К.Н.* Сочинения. М.-Л., 1934. С. 406.

опубликованной в 1803 г. В этом произведении, рассказывающем о событиях окончательного покорения Новгорода Иваном Третьим в 1478 г., слово *великодушие* и производные от него встречаются тридцать два раза, что довольно часто для такого небольшого текста. Только трижды оно характеризует правителей: дважды—русских князей («*великодушный* Рюрик»; «князь *великодушный*—Ярослав») устами новгородского боярина Ивана, сторонника Москвы и один раз—короля Казимира устами польского посла. Во всех остальных случаях слово *великодушие* имеет отношение к жителям Новгорода, его сторонникам и отдельным новгородцам, в том числе к самой Марфе. Чаще всего оно используется в виде обращения: «народ *великодушный*», «новгородское *великодушие*» и «потомки славян *великодушных*» (8 раз). Кроме того, ополчение ганзейских купцов в Новгороде названо «дружиной *великодушных*» (5 раз). Также слово *великодушный* относится к Марфе, ее покойному мужу Исааку, дочери Ксении и ее жениху Мирославу.

Как видим, здесь слово *великодушный* не несет в себе своеобразного авторского смысла, а является почти постоянным эпитетом новгородцев и их сторонников. Его конкретное значение трудно определить, но оно подразумевает высокую нравственность граждан и ополченцев, которые готовятся выступить на защиту своего родного города. Это объяснимо, поскольку повесть посвящена горькой судьбе новгородцев и их политической и нравственной руководительницы Марфы в последние дни народного правления. События описываются изнутри, с точки зрения новгородцев, и чтобы увеличить трагичность и лиричность произведения, новгородцы представлены как народ с высокой нравственностью.

Поэтому отметим только, что Карамзин еще до работы над «Историей» использовал это слово как выразительное средство для создания идеального образа народа.

Народное *великодушие* в «Истории»

В «Истории» слово *великодушие* по отношению к народу используется в более глубоком значении. В известном рассказе об «избирании веры» в 980 г. великим князем Владимиром Святославичем (т. 1, гл. 9) мы читаем рассуждение историка о неустойчивости исконной веры славян: «Вера не сообщала им (*славянам*) никакого ясного понятия: одно земное было ее предметом. Освящая добродетель храбрости, *великодушия*, честности, гостеприимства, она способствовала благу гражданских обществ в их новости, но не могла удовольствовать сердца чувствительного и разума глубокомысленного».[14] Здесь *великодушие* находится в одном ряду с такими добродетелями, как храбрость, честность, гостеприимство, и дается как

14 ИГР-1. С. 142.

одно из самых коренных нравственных качеств, которое славяне приобрели при усвоении языческой веры.

Во втором томе (гл. 1) представлены два эпизода важных для осмысления народного великодушия. Когда новгородский князь Ярослав Мудрый находился в серьезной опасности, борясь с братом Святополком Окаянным, новгородцы оказали самоотверженную помощь своему князю:

> Не видя лучшего средства, Ярослав прибегнул к *великодушию* оскорбленного им народа, собрал граждан на Вече [...] Тогда добрые Новогородцы, забыв все, единодушно ответствовали ему: "Государь! Ты убил собственных наших братьев, но мы готовы идти на врагов твоих",[15]

> Ярослав, устрашенный могуществом Короля Польского и злобою брата, думал уже, подобно отцу своему, бежать за море к Варягам; но *великодушие* Новгородцев спасло его от сего несчастия и стыда.[16]

Интересно, что в обоих случаях новгородцы изображаются как «имеющие *великодушие*», и по контексту можно догадаться, что это означает «снисходительность», «благородство», поскольку они забыли обиду, нанесенную им князем. Используя слово *великодушие*, историк, очевидно, хотел дать высокую оценку нравственности новгородцев. Об этом свидетельствуют и слова новгородского посадника Твердислава (начало XIII в.), обращенные к новгородцам, о том, что в их традициях было оказывать бескорыстную поддержку своим князьям (т. 3, гл. 4): «Посадник Твердислав напомнил им, что предки их гордились усердием к добрым Князьям, охотно умирали за Ярослава Великого и служили примером для других Россиян. Сия речь тронула Новогородцев, легкомысленных, однако ж чувствительных к народной чести, ко славе *великодушных* подвигов».[17] Подобное *великодушие* народа отражено и в эпизоде, повествующем о патриотическом настрое новгородцев, проявленном в защите своего города от князя Всеволода Мстиславича (т. 3, гл. 6): «Твердислав был тогда болен: усердные друзья вывезли его на санях из дому и поручили *великодушной* защите народа, который стекался к нему толпами, готовый умереть за своего любимого чиновника».[18]

В главах «Истории», описывающих монголо-татарское иго в середине XIII в. (примерно с т. 3, гл. 7), *великодушие* как высокая нравственность (добродетель) народа упоминается реже. В т. 4, гл. 9 после рассказа о ревностной помощи псковских жителей тверскому князю Александру Михайловичу в борьбе против московского князя Ивана Калиты, историк добавляет: «Так народ действует иногда по внушению чувствительности, забывая свою пользу, и стремится на опасность, плененный сла-

15 Там же. С. 174.
16 Там же. С. 176.
17 Там же. С. 349.
18 Там же. С. 452.

вою *великодушия*. Чем реже бывают сии случаи, тем они достопамятнее в летописях».[19]

В третьей главе шестого тома «Истории», где излагаются события покорения Новгорода Иваном III в конце XV в., Карамзин подводит итог рассуждениям об историческом значении народного правления в русской истории. Он затрагивает вопрос о нравственности народа (народное *великодушие*), которая, по его мнению, служила обязательным условием республиканского строя (народного правления). Приведем фрагменты из этой главы.

1. «Летописи Республик обыкновенно представляют нам сильное действие страстей человеческих, порывы *великодушия* и нередко умилительное торжество добродетели среди мятежей и беспорядка, свойственных народному правлению: так и летописи Новагорода в неискусственной простоте своей являют черты, пленительные для воображения».[20] Здесь *великодушие* означает исконно народную добродетель. Историк считает, что при народном правлении *великодушие* может урегулировать человеческие «страсти», которые вызывают беспорядки в обществе. Тут под «порывами *великодушия*» автор, очевидно, имеет в виду описанные ранее события XI в., когда новгородцы дважды оказывали самоотверженную помощь Ярославу Мудрому (т. 2, гл. 1).

2. «Видим также некоторые постоянные правила *великодушия* в действиях сего часто легкомысленного народа: таковым было не превозноситься в успехах, изъявлять умеренность в счастии, твердость в бедствиях, давать пристанище изгнанникам, верно исполнять договоры, и слово: Новогородская честь, Новогородская душа служили иногда вместо клятвы. —Республика держится добродетелию и без нее упадает».[21] В этом фрагменте, рассуждая о «правилах *великодушия*», Карамзин излагает свои соображения о народном правлении и его судьбе в истории. Он перечисляет качества новгородцев, которые служили нравственным началом их политического строя, такие как смирение, умеренность, твердость, снисходительность, честность. Историк уже высказывал подобную мысль в статье, опубликованной в 1802 г.: «Без высокой добродетели республика стоять не может».[22] Но примечательно, что здесь, используя понятие *великодушия,* он наиболее четко сформулировал свою идею о нравственном начале в истории.

3. «Хотя сердцу человеческому свойственно доброжелательствовать Республикам, основанным на коренных правах вольности, ему любезной; хотя самые опасности и беспокойства ее, питая *великодушие*, пленяют ум,

19 Там же. С. 643.

20 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Книга вторая, тома V, VI, VII, VIII. СПб., 1998. С. 309 (далее—ИГР-2).

21 Там же. С. 310.

22 *Карамзин Н.М.* Падение Швейцарии // *Карамзин.* О древней и новой России. С. 230.

в особенности юный, малоопытный; хотя Новогородцы, имея правление народное, общий дух торговли и связь с образованнейшими Немцами, без сомнения отличались благородными качествами от других Россиян, униженных тиранством Моголов: однако ж История должна прославить в сем случае ум Иоанна (*Третьего*), ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россию твердым соединением частей в целое».[23] Под *великодушием* Карамзин также имеет в виду исконные народные добродетели, которые служат нравственной основой для сохранения человеческой свободы (в социально-политической сфере она должна реализоваться в виде республиканского правления). Однако «ум», способствующий сохранению свободы для народа, автор ставит ниже «ума», «государственной мудрости», которой должны обладать правители. Отсюда проистекает известное утверждение Карамзина о необходимости смены народного правления самодержавием, выдвинутое в знаменитом Предисловии к его «Истории»: «Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастие».[24]

После падения новгородской Республики Карамзин отмечает проявления *великодушия* жителями другого республиканского города—Пскова. В рассказе о присоединении Пскова к Московскому государству при Василии Третьем в 1510 г. (т. 7, гл. 1) он описывает ревностное содействие псковичей великим князьям: «Псков отличался благоразумием, справедливостию, верностию; не изменял России, угадывал судьбу ее, держался Великих Князей, желал отвратить гибель Новогородской вольности, тесно связанной с его собственною; прощал сему завистливому народу обиды и досады; будучи осторожен, являл и смелую отважность *великодушия*, например, в защите Александра Тверского, гонимого Ханом и Государем Московским; сделался жертвою непременного рока, уступил необходимости, но с каким-то благородным смирением, достойным людей свободных, и не оказав ни дерзости, ни робости своих Новогородских братьев».[25]

После описания окончательной гибели республиканского строя в Новгороде и Пскове в конце XV–начале XVI вв. автор «Истории» уже не говорит о народном *великодушии* как нравственном начале свободы и демократии. Однако в рассказах о событиях Смутного периода (со времени правления Бориса Годунова до конца самой «Истории»), когда русские монархи потеряли политическую силу и их авторитет заметно снизился (т. 11–12), иногда упоминается *великодушие* с сожалением и оттенком печали, как будто автор скорбит о его потере. Так, например, Карамзин

23 ИГР-2. С. 310–311.

24 ИГР-1. С. 7.

25 ИГР-2. С. 466–467.

делает такое замечание о кровавом мятеже московского народа, который произошел сразу после смерти Лжедмитрия I (т. 11, гл. 4): «народ устремился в Китай и Белый город, где жили Поляки, и несколько часов плавал в крови их, алчно наслаждаясь ужасною местию, противною *великодушию*, если и заслуженною. Сила карала слабость, без жалости и без мужества: сто нападало на одного!».[26] Здесь историк обвиняет народ в безнравственности и отсутствии *великодушия*, которое ранее существовало в русской истории. Рассказывая о распрях среди граждан Пскова в 1608 г., он буквально оплакивает нравственный упадок этого славного народа (т. 12, гл. 2): «Кто мог в сих исступлениях злодейства узнать отчизну Св. Ольги, где цвела некогда добродетель, человеческая и государственная; где еще за двадцать шесть лет пред тем, жили граждане *великодушные*, победители Героя Батория, спасители нашей чести и славы?».[27] В эпизоде, относящемся к 1608 г., когда новгородские жители предложили содействие Михаилу Скопину-Шуйскому в борьбе против шведов (т. 12, гл. 3), автор оценивает это как воскрешение древнего народного *великодушия*: «Древний Новгород, казалось, воскрес с своим *великодушием*; к несчастию, ревность достохвальная имела действие зловредное».[28] Частичное восстановление издревле присущей народу нравственности историк отмечает в итоговом описании правления царя Бориса Годунова (т. 11, гл. 2): «Одним словом, сие печальное время Борисова Царствования, уступая Иоаннову в кровопийстве, не уступало ему в беззаконии и разврате: наследство гибельное для будущего! Но *великодушие* еще действовало в Россиянах (оно пережило Иоанна и Годунова, чтобы спасти отечество): жалели о невинных страдальцах и мерзили постыдными милостями Венценосца к доносителям».[29]

Итак, можно отметить, что в своей «Истории» Карамзин представляет народное *великодушие* как некое идеальное, суммарное нравственное качество народа, которое существовало на Руси в древности, но было утрачено в ходе истории, хотя и возрождалось в отдельных случаях.

Государево *великодушие*

При описании русских правителей (князей и царей) слово в*еликодушие* используется в «Истории» примерно с одинаковой частотой во всех томах и гораздо чаще, чем в отношении народа. Как и рассмотренное выше народное *великодушие*, государево *великодушие* представляет собой общий набор высоких моральных качеств. Так, если историк хотел положительно охарактеризовать какого-нибудь князя, не вдаваясь в детали, он просто использовал эпитет *великодушный*: «Народ, погруженный в не-

26 ИГР-3. С. 582.
27 Там же. С. 666.
28 Там же. С. 680.
29 Там же. С. 480.

вежество, считал действием сверхъестественного знания всякую догадку ума, всякое отменно счастливое предприятие и назвал Олега вещим, ибо сей *великодушный*, смелый Князь возвратился с сокровищами из Константинополя» (т. 1, гл. 10);[30] «Мстислав Владимирович, Князь Новогородский, [...] велел привезти к себе тело его (*князя Олега*) и с горестию погреб оное в Софийской церкви. Сей *великодушный* Князь, любя справедливость, не винил Олега в завоевании Мурома,..» (т. 2, гл. 6).[31] Историк также помещает это слово в отрицательный контекст для того, чтобы дать очень нелестную оценку какому-нибудь правителю. Так, он пишет о неспособности царя Ивана Грозного управлять государством во время опричнины (т. 9, гл. 3): «Не имея *великодушия* быть утешителем своих подданных в страшном бедствии, боясь видеть феатр ужаса и слез, Царь не хотел ехать на пепелище столицы: возвратился в Слободу».[32] Подобный же прием используется при описании войны между Россией и Польшей в 1578 г. (т. 9, гл. 5): «Так начались важные успехи Баториевы и несгоды Иоанновы в сей войне злосчастной, но не бесславной для России, которая все имела для победы: и силу и доблесть, но не имела *великодушного* отца Государя!».[33]

Государево *великодушие* как мужество и твердость

Несмотря на широкое значение слова *великодушие*, мы можем в определенной степени установить его смысл в том или ином случае. Анализ многочисленных примеров государева *великодушия* в «Истории» показывает, что чаще всего оно является синонимом храбрости, смелости, решительности. Такое значение, как мы уже отмечали, было характерно для западнорусского языка XVI–XVIII вв.: мужество, твердость.

Прежде всего рассмотрим некоторые примеры использования слова *великодушие* в этом значении в отношении государей. В т. 2, гл. 8 «Истории» читаем характеристику князя Мстислава Владимировича: «Новый Государь, уже давно известный мужеством и *великодушием*, явил добродетели отца своего на престоле России».[34] Далее (т. 2, гл. 15) дается сходное описание характера великого князя Андрея Боголюбского: «Но в то время, как древняя столица наша клонится к совершенному падению, возникает новая под сению Властителя, давно известного мужеством и *великодушием*».[35] Изображая благородный характер великого князя Святослава Ярославича (т. 2, гл. 4), историк приводит любопытный эпизод из летописи: «Нестор пишет, что сей Князь, подобно Иудейскому Царю Езекии, вели-

30 ИГР-1. С. 164.
31 Там же. С. 235–236.
32 ИГР-3. С. 107.
33 Там же. С. 164.
34 ИГР-1. С. 268.
35 Там же. С. 333.

чался пред Немцами богатством казны своей и что они, видя множество золота, серебра, драгоценных паволок, благоразумно сказали: Государь! мертвое богатство есть ничто в сравнении с мужеством и *великодушием*».[36] В указанных трех фрагментах трудно установить точный смысл слова *великодушие*, но поскольку во всех случаях оно стоит рядом со словом «мужество», можно предположить, что они близки по смыслу.

При описании характера правителя слово в*еликодушие* иногда используется со значением «твердая воля, твердость». После рассказа о подготовке осадного сидения в Московском кремле царем Василием Шуйским в 1608 г., историк пишет: «Блеск Василиевой *великодушной* твердости затмевался в глазах страждущей России его несчастием, которое ставили ему в вину и в обман».[37] Здесь слово *великодушный* просто усиливает смысл последующего слова «твердость». В характеристике великого князя Всеволода Ярославича *великодушие*, хотя и в отрицательном контексте, указывает на твердость как на достойное качество русского правителя: «Не имев никогда *великодушной* твердости, сей Князь, обремененный летами и недугами, впал в совершенное расслабление духа».[38] И в рассказе о галицком боярине XIII в. (т. 3, гл. 8) историк использует фразу «правила *великодушия*» в смысле твердость, смелость, которые необходимы властителям: «Венгры не могли бы взять Владимира; но Боярин Даниилов изменил правилам *великодушия*, оробел и, без воли Княжеской заключил мир с Королем, отдал Бельз и Червен союзнику его, Александру».[39]

При описании правителей (русских князей и царей) под *великодушием* Карамзин иногда подразумевает твердость и самоотверженность, а порой и самопожертвование ради государства. Так, например, историк рассказывает о рязанском князе Романе Ингоревиче, который погиб в Орде из-за своей принципиальной позиции в отношении защиты христианства и резких укоров в адрес мусульман (т. 4, гл. 3): «Россияне проливали слезы, но утешались твердостию сего второго Михаила и думали, что Бог не оставил той земли, где Князья, презирая славу мирскую, столь *великодушно* умирают за Его святую Веру».[40] Мужество киевского князя Мстислава Романовича, проявленное при защите своей крепости во время битвы на Калке в 1223 г., описывается так (т. 3, гл. 8): «Между тем Мстислав Романович Киевский еще оставался на берегах Калки в укрепленном стане, на горе каменистой; видел бегство Россиян и не хотел тронуться с места: достопамятный пример *великодушия* и воинской гордости!».[41]

---

36 Там же. С. 216.
37 ИГР-3. С. 649.
38 ИГР-2. С. 227.
39 ИГР-1. С. 506.
40 Там же. С. 579.
41 Там же. С. 489.

Таким образом, *великодушие* в значении «мужество, твердость» имеет отношение только к правителям и, как видим, отличается от народного *великодушия*.

Государево *великодушие* как бескорыстность и снисходительность

В описании характера государя слово *великодушие* также может иметь значение «бескорыстие, снисходительность», как и при характеристике народа. В словах Святослава Олеговича Черниговского, адресованных великому князю Изяславу Давидовичу, есть выражение «бескорыстие *великодушное*»: Тут Святослав оказал бескорыстие *великодушное*. «Признаюсь,—говорил он,—что я досадовал, когда ты не отдал мне всей области Черниговской; но сердце мое ненавидит злобу между родными».[42] Здесь речь идет о снисходительности, уступчивости по отношению к князю-сопернику. Действительно, в «Истории» автор порой использует слово *великодушие* при оценке поведения правителей-князей, когда они забывают личные обиды, уступают сопернику ради общего княжеского или государственного блага. Так ведет себя полоцкий князь Василько Рогволодович при встрече с Всеволодом Мстиславичем, сыном его обидчика, на пути в Новгород (т. 2, гл. 9): «он (*Василько*) имел случай отмстить сыну (*Всеволоду*) за жестокость отца; но Василько был *великодушен*: видел Всеволода в несчастии и клялся забыть древнюю вражду».[43] Подобную же снисходительность мы находим и в поведении западно-южных князей Ростиславичей во время междоусобной борьбы в XIII в. (т. 2, гл. 6): «Ростиславичи гнались за побежденным только до границ своей области и возвратились, не желая никаких приобретений: умеренность *великодушная*!».[44] Здесь выражение «умеренность *великодушная*», несомненно, означает положительную оценку автора.

Опасность государева *великодушия*

Однако надо сказать, что использование слова *великодушие* в значении снисходительность в «Истории» встречается сравнительно редко и чаще всего относится к второстепенным князьям. Карамзин отмечает, что подобное *великодушие* правителей может являться вредоносным и противоречить интересам государства и народа. Рассмотрим, как оценивается *великодушное* поведение великого князя Ярополка Владимировича (т. 2, гл. 9): «Великий Князь, тронутый молением Всеволода (*Ольговича*), явил редкий пример *великодушия* или слабости: заключив мир, [...] возвратился в Киев и скончался. Сей Князь, подобно Мономаху, любил добродетель, как

42 Там же. С. 336.
43 Там же. С. 276.
44 Там же. С. 244.

уверяют Летописцы; но он не знал, в чем состоит добродетель Государя. С его времени началась та непримиримая вражда между потомками Олега Святославича и Мономаха, которая в течение целого века была главным несчастием России».[45] Карамзин также считает неуместным *великодушие* Дмитрия Донского по отношению к рязанскому князю Олегу Ивановичу (т. 5, гл. 1): «*Великодушие* действует только на *великодушных*: суровый Олег мог помнить обиды, а не благотворения; скоро забыл милость Димитрия и воспользовался первым случаем нанести ему вред».[46] Историк делает подобное же замечание, рассуждая о правлении Дмитрия Донского (т. 5, гл. 1): «Димитрий сделал, кажется, и другую ошибку: имев случай присоединить Рязань и Тверь к Москве, не воспользовался оным: желая ли изъявить *великодушное* бескорыстие? Но добродетели Государя, противные силе, безопасности, спокойствию Государства, не суть добродетели».[47]

В приведенных цитатах Карамзин как бы утверждает, что государево *великодушие* («добродетели Государя») должно быть иного качества, чем *великодушие* в обыденном значении. Проявление *великодушия* мы находим и в поведении князя Ивана Федоровича Бельского, ближнего боярина Ивана Грозного (т. 8, гл. 2): «Князь Иван Бельский, освобожденный Митрополитом и Боярами, мог бы поменяться темницею с Шуйским; мог бы отнять у него и свободу и жизнь: но презрел бессильную злобу и сделал еще более: оказал уважение к его ратным способностям и дал ему Воеводство: что назвали бы мы ошибкою *великодушия*, если бы оно имело целию не внутреннее удовольствие сердца, не добродетель, а выгоды страстей».[48] Далее следует пояснение, в чем опасность такого поведения: «Здесь История наша представляет опасность *великодушия*, как бы в оправдание жестоких, мстительных властолюбцев, дающих мир врагам только в могиле».[49] Карамзин, возможно, хотел сказать, что правители должны быть порой беспощадными, жесткими, и включал эти качества в понятие *великодушия*.

Такое осмысление этого слова было характерно для историка, по-видимому, уже на начальном этапе его исследований русской истории. В статье «О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича», опубликованной в журнале «Вестник Европы» в 1803 г., критикуя нерешительность царя Алексея Михайловича при соляном бунте московских жителей (1648 г.), он пишет: «Кто родился управлять народом, тот предупреждает опасность мудростию или отражает ее *великодушием*, или гибнет, держа твердой рукой жезл правления... Юный монарх, оставленный своим главным советником (*Иваном Морозовым*), изъявлял нерешительность. Он велел только запереть Кремлевские ворота, когда народ рассеялся по

45 Там же. С. 278.
46 ИГР-2. С. 47.
47 Там же. С. 64.
48 Там же. С. 610.
49 Там же. С. 610.

Китаю и Белому городу».[50] Здесь под *великодушием* могут подразумеваться решительные, беспощадные меры по подавлению мятежа.

Вывод

Подводя итоги, отметим прежде всего, что диапазон значений слова *великодушие* у Карамзина чрезвычайно широк, а его содержание очень неоднозначно. Когда речь идет о народе и его нравственности, оно употребляется в общепринятом значении, как смирение, снисходительность, бескорыстие, честность, умеренность и пр. При этом *великодушие* подразумевает не отдельную добродетель, а представляет собой сумму положительных нравственных качеств. Если же это слово относится к конкретной личности, в первую очередь к правителю, то оно чаще всего означает мужество, твердость, решительность. В характеристике некоторых героических персонажей оно также подразумевает самоотверженность, самопожертвование.

В отдельных случаях в «Истории» описаны правители *великодушные* в традиционном смысле слова. Но Карамзин, приводя примеры из русской истории, предупреждает, что такое поведение может привести к ошибкам в государственных делах. У монархов должно быть свое *великодушие*—«добродетель Государя». Иными словами, правитель иногда должен быть беспощадным, жестким по отношению к противникам и мятежникам, и такое качество историк тоже называет *великодушием*.

Откуда возникло такое своеобразное значение слова? По нашему мнению, это тесно связано с концепцией русской истории Карамзина. Как известно, в период написания «Истории» у него существовало представление об историческом процессе как о развитии человечества от невежества к просвещению, и, соответственно, политический строй государства должен измениться от республиканского к самодержавному, как торжественно указано в Предисловии к «Истории». И такое движение должно сопровождаться нравственным совершенствованием человечества.[51]

В этой схеме нравственные качества исторической личности, особенно правителя, играют решающую роль: они служат поводом и необходимым условием развития самого государства. Следовательно, у России *должны* быть высоконравственные правители. С этой идеализированной позиции Карамзин описывает и оценивает события и людей в русской истории. Вот почему он не ограничивается объективным изложением, а высказывает свои замечания и дает оценки описываемым персонажам и событиям. Как видно из приведенных выше цитат, если у какого-либо

50 *Карамзин Н.М.* О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича // *Карамзин.* О древней и новой России. С. 271–279.

51 См.: например. *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 томах. Т. VII. Специальные курсы (продолжение). М., 1989. С. 274–279; *Соловьев С.М.* Н.М. Карамзин и его литературная деятельность: «История государства Российского» // *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. М., 1995. Кн. 7. С. 50.

русского монарха не хватает добродетелей и ход событий во время его правления не соответствует идеальной схеме, историк осыпает его упреками, указывая на его ошибки и недостатки (это особенно часто наблюдается в описаниях времен Ивана Грозного и Смуты). И хотя в современной исторической науке такой подход уже не принят, он, несомненно, придает живость и драматичность повествованию.

По-видимому, такая позиция Карамзина требовала использования особой терминологии и приемов. Историк, безусловно, располагал богатой лексикой, достаточной для описания нравственных качеств народа и правителей. Однако ему было необходимо слово, с помощью которого можно было дать человеку исключительно положительную оценку и которое являлось критерием нравственности исторических личностей и народа. Этой цели, как мы можем полагать, отвечало *великодушие* с широким диапазоном значений и заимствованным характером слова.